

Мы вместе,
сестричка

Sasha Han

18+

Sasha Han

Мы вместе, сестричка

«Автор»

2026

Han S.

Мы вместе, сестричка / S. Han — «Автор», 2026

Можно ли пережить измену мужа с сестрой? А потом ее беременность от него? Оказалось, что для Ани и Евы – можно. Когда детей нет все шесть лет брака. Когда контроль, давление и шантаж, сделали идеальный брак невыносимым – то родная сестра – это единственная надежда выбраться из этого замкнутого круга. Несмотря на все странные и на первый взгляд дикие обстоятельства ее присутствия в доме Ани и фармацевтического магната Арсения. Это ВТОРАЯ КНИГА – первая – Прости, сестренка уже выложена

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Sasha Han

Мы вместе, сестричка

Глава 1.

Аня не находила себе места.

Она стояла у окна спальни, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и смотрела на сад — тот самый сад, где ещё совсем недавно сидела на скамейке с Виталием. Где его руки легли ей на плечи. Где она впервые за шесть лет почувствовала себя — собой. Не функцией, не приложением к мужу, не экспонатом в его коллекции правильных вещей. Собой.

Утренний свет заливал газон бледным золотом. Фонтан работал — тихое журчание доносилось даже сквозь двойное остекление. Всё выглядело так, как выглядело всегда: идеальный дом, идеальный участок, подстриженные кусты, каменные дорожки, выложенные ёлочкой. Декорация. Сцена. Театр, в котором она играла главную роль — жену Арсения — уже шесть лет без антракта.

Ночь прошла. Арсений её не тронул. Она помнила это с облегчением — физическим, телесным, как помнят отступившую боль. Он заснул быстро, раскинувшись на три четверти кровати, как обычно, — глубоким, ровным сном человека с безупречно чистой совестью. Или с безупречным отсутствием таковой, что, в сущности, одно и то же.

Но впереди — ещё много ночей.

Почти два месяца до их отъезда с Евой в Европу. Шесть-семь недель. Сорок с лишним ночей, которые ей предстоит провести в этой кровати, рядом с этим человеком, под этим одеялом, вслушиваясь в его дыхание и боясь каждый раз, когда его рука привычно потянется к ней — тёплая, сухая, уверенная рука, не знающая слова «можно?».

Все её мысли были заняты только Виталием.

Когда они смогут увидеться? Смогут ли — до отъезда? Он сказал... Что он сказал? «Не обязательно, чтобы заканчивалось». Эти слова стояли у неё в голове, как вбитые — она прокручивала их снова и снова, пытаясь вытянуть из каждого оттенка интонации что-то — обещание, намёк, план. Но слова оставались словами. Красивыми. Тёплыми. И абсолютно бесполезными в мире, где каждый её шаг контролировался человеком, для которого свобода других людей — системная ошибка, подлежащая исправлению.

А как они смогут увидеться, если Арсений не разрешит?

Виталий помогал ей в проекте — том самом пилотном проекте, который Арсений великодушно позволил ей координировать из дома. Но проект был поводом, ниточкой, тонкой, как паутина, — и Аня понимала, что Арсений может оборвать её в любой момент. Одним словом. Одним взглядом. Одним «я передумал», произнесённым за завтраком, между глотком кофе и просмотром биржевых сводок.

А вступать с мужем в конфликт она не могла.

Сейчас на карте — Европа. По факту — их свобода с Евой. Пока призрачная, пока такая нечёткая, расплывчатая, как отражение в запотевшем зеркале, — но всё-таки свобода. Они будут там без Арсения. И смогут хотя бы попробовать реализовать план Евы.

Да. Это нечестно. Нехорошо. Обманывать мужа. Планировать побег из его дома. Использовать поездку, которую он сам оплатил, организовал, одобрил — использовать как трамплин для прыжка в другую жизнь.

Но — а как вёл себя сам Арсений?

Угрожал ей психушкой, когда она пыталась уйти. Угрожал Еве — отобрать Глеба. Взял сестру силой в первую же ночь, а потом сидел рядом, целовал ей руку и рассуждал о том, что она

родит ему ребёнка. Как будто речь шла о заказе мебели. О поставке товара. О логистической операции, в которой живая женщина — просто контейнер. Функция. Инкубатор с именем и паспортом.

Её муж, привыкший к постоянной манипуляции людьми, даже не осознавал — а что они чувствуют? Что переживают? Для Арсения мир был устроен просто: есть его решения — и есть исполнители. Есть план — и есть те, кто его выполняет. Чувства — помехи. Эмоции — шум. Слезы — истерика, которую надо пресечь.

С его братом Виталием она почувствовала себя хрупкой женщиной. По-настоящему желанной. По-настоящему — живой.

Это было странное, почти забытое ощущение. Как будто кто-то включил свет в комнате, где она сидела в темноте так долго, что уже привыкла, уже перестала замечать, что темно. А потом — вспышка. И ты видишь всё: и стены, и потолок, и дверь, которая всё это время была не заперта. И себя — сидящую на полу, с поджатыми коленями, с привычкой не шуметь.

Арсений всегда давил. Манипулировал. Контролировал каждый шаг. Каждое слово взвешивалось на его внутренних весах — правильное или нет? Полезное или опасное? Она научилась фильтровать себя, как воду: пропускать только то, что не вызовет реакции. Улыбаться, когда хотелось плакать. Кивать, когда хотелось кричать. Говорить «хорошо, Сеня» — эти два слова, которые стали её ежедневной валютой, которой она расплачивалась за право дышать в его доме.

А Виталий — просто нежность. Просто тёплый взгляд. Просто тёплые руки на её плечах. Никакого давления. Никакого «я так решил». Никакого требования — ни явного, ни скрытого. Просто присутствие другого человека рядом, который видит в тебе — тебя. Не жену. Не собственность. Не набор характеристик в каталоге. Человека.

И от этого простого, элементарного, базового — быть увиденной — у Ани кружилась голова. Потому что за шесть лет она забыла, что это возможно.

Ева же, её сестра, казалась собранной и спокойной.

Казалась — потому что Аня знала: за этим спокойствием стоит та же бездна, та же тревога, тот же страх. Просто Ева научилась прятать его иначе. Не вглубь, как Аня, — а под маску деловитости. Под чёткие движения. Под расписание Глеба, под хлопоты с кухней, под этот лёгкий, почти весёлый тон, которым она разговаривала с Арсением, — ровно так, как он хотел бы, чтобы с ним разговаривали. Младшая сестра обучилась со скоростью света. Впитала его правила, как губка. И возвращала ему его же приёмы — в отполированном, зеркальном виде.

Но когда они оставались вдвоём — без Арсения, без посторонних глаз, без камер наблюдения, которые были повсюду в доме, кроме спален и ванн, — маска Евы трескалась. И из этих трещин проглядывала та самая девочка, которая сбежала от мужа-игромана с одним чемоданом и ребёнком на руках, и которую в первую же неделю в «безопасном» доме прижали к дивану, закрыв рот ладонью.

Арсений ушёл на работу в отличном настроении.

Конечно. Он всегда был в отличном настроении, когда всё шло по плану. Его плану. Единственному плану, который имел значение. Ева согласилась на развод с Севой — галочка. Беременность — в процессе. Европа — запланирована. Договор на вынашивание — будет составлен. Виталий подключён к проекту Ани — работает. Все фигуры на доске расставлены. Можно ехать в офис, управлять фармацевтической империей и возвращаться домой к послушной жене, беременной свояченице и чужому ребёнку.

Он поцеловал Аню в лоб — быстро, привычно, как ставят штамп в документе — и вышел. Дверь хлопнула. Машина завелась. Гравий зашуршал под колёсами.

Тишина.

Аня выдохнула. Только когда звук мотора растворился за поворотом, она позволила себе разжать кулаки. На ладонях остались белые полумесяцы от ногтей.

Глава 2.

Днём Ева обняла сестру за плечи.

— Как ты? Как прошло? — она имела в виду ночь с мужем. Вопрос был задан тихо, почти шёпотом, хотя Арсения не было дома. Привычка. В этом доме все привыкли шептать — даже когда хозяин отсутствовал, стены помнили его голос.

— Ничего не было, — тихо ответила Аня.

Ева посмотрела на неё внимательно. Сестра видела — Аня растеряна. Не находит себе места. Ходит из комнаты в комнату, берёт вещи и кладёт обратно, садится и тут же встаёт. Как человек, у которого внутри работает моторчик — на полную мощность, без выключателя, без паузы.

— Анют, соберись. Ну он же твой муж. Ну что тут такого? Это же... привычно... — Ева пыталась успокоить, вложить в голос ту самую деловитую уверенность, которая помогала ей самой не рассыпаться на части.

Аня обернулась. Резко. Что-то тёмное мелькнуло в её глазах — быстро, как рыба под водой, — и она сама не поняла, откуда это взялось. Может, от бессонной ночи. Может, от того, что Виталий — далеко, а Арсений — близко. Может, от того, что сестра стоит перед ней с этим спокойным лицом, и советует ей «собраться», и называет насилие — привычкой.

— А тебе? — голос Ани прозвучал жёстче, чем она хотела.

— Что? — Ева смотрела на неё внимательно. Тревожно. Пытаясь понять, куда это ведёт.

— Тебе — привычно?

Зачем она это сказала? Зачем уколола сестру — за тот секс с её мужем, который сама же и допустила? Аня стояла и не двигалась. Ничего не сказала тогда, в ту первую ночь. Не устроила скандал. Не бросилась на Арсения. Не вырвала сестру из-под него. Опустилась в кресло — бессильно, как тряпичная кукла, — и смотрела. И потом — обняла Еву и прошептала «прости, сестрёнка». Вместо того чтобы вызвать полицию. Вместо того чтобы взять нож с кухни и воткнуть его в спину мужу. Вместо чего угодно — нормального, человеческого, правильного.

Она дала ему просто воспользоваться положением Евы. Сбежала от мужа-игромана с ребёнком. Без денег. Без жилья. Без вариантов. И Арсений — как он это умел — увидел уязвимость и использовал.

А теперь Аня колет сестру. За что? За то, что та выживает? За то, что научилась говорить Арсению то, что он хочет слышать? За то, что терпит — ради Глеба, ради крыши над головой, ради призрачного шанса на Европу, которая маячила впереди, как мираж в пустыне?

Глеб. Аня уже успела привязаться к племяннику, хотя раньше они, по сути, не общались. Четырёхлетний мальчик с круглыми серьёзными глазами и привычкой засыпать, раскинувшись звёздочкой. Он был в восторге от кровати-корабля, от сада, от бассейна. Он не понимал, какой ценой оплачен этот рай. И не должен был понимать. Никогда.

"Ну зачем я это сказала? — Аня смотрела на сестру и чувствовала, как стыд поднимается откуда-то из живота, горячий и едкий. — Зачем я в чём-то обвиняю Еву?"

— Ань... прости... ну зачем ты так? — в глазах Евы было всё. То самое «прости» — не дежурное, не формальное, а настоящее, выстраданное, пропущенное через все слои вины и страха. И теплота. И сочувствие. Не к себе — к Ане. Ева стояла перед старшей сестрой, та самая Ева, которую брали силой на диване, и сочувствовала — ей. Ане. Которая стояла и смотрела.

— Сестрёнка, — Аня обняла её. Крепко. Прижалась щекой к волосам — они пахли медовым шампунем. — Извини. Извини, я нервничаю... А вдруг он не даст мне больше общаться с Виталием? — она честно призналась в своих страхах. Выложила их — как карты, рубашкой вверх, на стол, между ними двумя. Потому что Ева была единственным человеком на свете, перед которым Аня могла не притворяться.

Ева чуть отстранилась. Посмотрела сестре в лицо — тем самым новым, внимательным, взрослым взглядом, который появился у неё здесь, в этом доме, — и усмехнулась. Уголком губ. Едва заметно.

— Да куда он денется — Виталий же помогает тебе в проекте. Для Сени самое важное — деньги! — уверенно заявила она.

Это «Сеня» по отношению к её мужу кольнуло Аню. Легко, почти незаметно — как укол иглой через несколько слоёв ткани. «Сеня». Так называют близкого человека. Так называют мужа — своего мужа. Не чужого.

А что, собственно? Чего ей переживать?

Аня сама не хотела быть с мужем. Сама мечтала о его брате. Сама лежала по ночам, повернувшись к Арсению спиной, и думала о Виталии — о его руках, о его голосе, о его «не обязательно, чтобы заканчивалось». И при этом — ревновала. К сестре. К этому «Сене», которое выскользнуло у Евы так легко, так привычно, как будто между ними — не насилие, не принуждение, не договор на вынашивание ребёнка, — а что-то настоящее.

Ревность была нелогичной, абсурдной, стыдной. Но она была. Как заноза. Как камешек в ботинке. Как привкус, который не смывается — сколько ни полощи рот.

Аня разжала объятия и отступила на шаг. Посмотрела на Еву. На её тонкие плечи, на светлые — почти золотистые — прямые волосы, на эти большие серо-голубые глаза, в которых больше не было прежней доверчивости. Что-то другое появилось — твёрдое, холодное, стальное. Как арматура внутри тонкой стены.

"Мы справимся, — подумала Аня. — Мы обязательно справимся. Ещё шесть-семь недель. Потом — Европа. Потом — свобода. Потом — жизнь. Настоящая жизнь. Без Арсения. Без его рук, его штампов, его планов, в которых мы — фигуры, а он — единственный игрок."

Но до «потом» нужно было дожить. И каждый день, каждая ночь, каждый завтрак за одним столом с человеком, который считал их собственностью, — был минным полем. Один неверный шаг. Одно лишнее слово. Один взгляд, перехваченный не тем человеком — и всё рухнет. Европа. Свобода. Виталий. Всё.

А за окном — сад. Скамейка. Тень от каштана. И воспоминание о тёплых руках на плечах, которое Аня прятала так глубоко, как только могла, — но которое грело.

Вечером Арсений появился с красными глазами и чихающим.

Он стоял на пороге — в идеально сшитом тёмно-сером костюме, в ботинках за полторы тысячи евро, с портфелем из телячьей кожи в одной руке и салфеткой в другой — и выглядел так, будто сам мир нанёс ему личное оскорбление. Нос покраснел. Глаза слезились. Голос — тот самый голос, привыкший отдавать приказы с интонацией, не допускающей возражений, — был сиплым и жалким, как мяуканье кота, которого оставили под дождём.

— Девочки, это ужасно, кошмарно, отвратительно, но я, кажется, заболел. Или могу заболеть, — буквально с порога громко заявил он, увидев, что сёстры выглянули с кухни в прихожую.

Конечно. Всем полагалось встrepенуться, взметнуться и радостно побежать навстречу, когда он приходил. Это было негласным правилом дома — таким же обязательным, как подогретый пол в ванной и свежий кофе на столе к определённом часу. Арсений входил — и пространство вокруг него должно было прогнуться, перестроиться, подстроиться. Как гравитационное поле: чем ближе к нему — тем сильнее притяжение. И тем меньше свободы.

Глава 3.

Аня стояла в дверном проёме кухни, машинально вытирая руки полотенцем. Привычным жестом — одним из тысячи привычных жестов, из которых состояла её жизнь в этом доме. Встать. Улыбнуться. Подойти. Спросить, как день. Не спрашивать лишнего. Не задерживать взгляд. Не дышать слишком громко.

Но сегодня что-то в ней — то самое что-то, которое зажёг Виталий одним прикосновением к её плечам, — смотрело на больного мужа с холодным, почти клиническим любопытством. Как энтомолог на жука, перевернутого на спину. Жук сучит лапками. Жук возмущён. Жук привык быть на вершине пищевой цепочки. А тут — вирус. Крошечный, невидимый, безымянный вирус, которому плевать на фармацевтические империи, на кожаные портфели и на умение манипулировать людьми.

Тут из сада появился Глеб и попытался побежать к нему.

Арсений исправно играл великодушного любящего дядюшку — этак минут пятнадцать-двадцать в день. На большее его не хватало. Он возился с мальчиком ровно столько, сколько требовалось для поддержания образа, — подбрасывал на руках, показывал что-то в телефоне, обещал новые развлечения и игрушки. А потом — как батарейка садилась — интерес гас, лицо деревенело, и Арсений передавал ребёнка обратно, как передают курьеру подписанную накладную. Дело сделано. Функция выполнена. Свободен.

Но Глеб не считывал протокол. Глеб — четыре года, круглые глаза, абсолютное доверие к миру. Он видел большого дядю с громким голосом, который подарил ему кровать-корабль и целую игровую площадку только для него, — и бежал к нему, как бегут к человеку, который тебя любит. Потому что в четыре года ещё нет фильтров. Нет подозрений. Нет привычки про- верить — а что тебе за это будет.

— Ева, лови его! — быстро отреагировал Арсений и буквально отступил на шаг обратно к двери, хотя ребёнок ещё не успел добежать.

Голос был резким — командным, рефлекторным, как окрик сержанта. Не «подожди, малыш» — а «Ева, лови его». Потому что для Арсения ребёнок был объектом, а объектами управляют через ответственных лиц. Глеб — зона ответственности Евы.

Младшая сестра среагировала мгновенно. Быстро, ловко — как человек, привыкший ловить, подхватывать, перехватывать, — она поймала сына и села на корточки, обнимая его кольцом рук. Глеб дёрнулся, попытался вывернуться — к дяде, к дяде хочу! — но Ева держала крепко, прижимая его к себе, щекой к щеке, шепча что-то на ухо. Мальчик замер. Привык. Мама сказала — значит, так надо.

Аня смотрела на эту сцену и чувствовала укол — тот самый, знакомый. Ева с ребёнком на руках. Ева — мать. Ева — та, у которой есть Глеб. А у неё, у Ани, — пустые комнаты, пустая кровать, пустой живот и муж, который решил проблему по-своему: взял сестру силой и ждёт результата, как фермер ждёт урожая.

— Давайте тогда так, — Вы ко мне особо не подходите. А Аня... Анют... ну тогда постели, наверное, себе в гостевой спальне. А что делать? Вдруг ты заразишься и заразишь сестру?

Он посмотрел на жену с сожалением. Совершенно очевидным, откровенным, ничем не прикрытым сожалением — как смотрят на отменённый рейс на табло аэропорта. Потому что уж на эту-то ночь у него точно были планы. Ещё утром, целуя Аню в лоб — тем самым штем- пельным поцелуем, — он мысленно поставил галочку: сегодня вечером жена не отвертится. Он не отступит. Две ночи без секса — для Арсения это было аномалией, сбоем системы, ошибкой, которую следовало исправить. Его тело, его график, его распорядок — всё требовало порядка. А порядок включал определённую регулярность. Как тренировки. Как совещания. Как про- верка бухгалтерии по четвергам.

Но потом признаки гриппа начали неприятно щекотать нос. Глаза в зеркале рабочего туалета предательски приобрели красный оттенок — а при его общей светлой масти это было более чем очевидно. Арсений был из тех мужчин, у которых кожа выдаёт всё: усталость проступала синевой под глазами, злость — белыми пятнами на скулах, а болезнь — вот этой мерзкой, кроличьей краснотой вокруг ноздрей и по краям век. Он ненавидел болеть. Не потому что больно, — а потому что уязвимо. Болезнь — это потеря контроля. Над телом. Над ситуацией. Над впечатлением, которое ты производишь. А впечатление для Арсения было валютой покрепче доллара.

Кто-кто, а уж он-то мог отлично знать и понимать, что это вирус. Не надо себе врать. Не надо делать вид, что «просто продуло» или «аллергия на пыльцу». Под ним — фармацевтическая империя. Он знал названия вирусов, которые большинство людей не могли бы выговорить. Знал инкубационные периоды, пути передачи, группы риска. И знал главное: дома — Ева. Беременная. От него. Его ребёнком.

Ну что вот ты будешь делать.

Он даже честно — честно! — подумал о том, чтобы вообще не ехать домой. Остаться в московской квартире. Или в отеле — мало ли вариантов у человека, у которого недвижимости больше, чем у иного посёлка жителей.

Но нет. Это уже перебор. Он хотел болеть в своей кровати. В своём доме. Среди своих вещей, своих стен, своего пространства, пропитанного его запахом, его правилами, его порядком. Арсений без дома — как паук без паутины: всё ещё опасен, но неуютен. Лишён среды обитания.

Он тут же заправился всеми возможными противовирусными, иммуностимуляторами — всем, чем можно, и чем нельзя, и чем, вероятно, не стоило бы, но Арсений привык лечить себя так, как управлял бизнесом: массовой атакой по всем фронтам, без полумер, без «давайте понаблюдаем». Понаблюдаем — это для слабых. Для тех, кто не может себе позволить быть здоровым. А он — мог. Должен. Обязан.

Но понимал, что начало он, похоже, всё-таки пропустил. Вирус просочился — тихо, подло, как диверсант через линию обороны. И теперь сидел внутри, размножался, готовил наступление. Арсений чувствовал это — тем звериным чутьём, которое позволяло ему предсказывать обвалы рынка и ловить партнёров на лжи: тело уже не его. Тело уже работает на вирус. И это бесило больше, чем любой убыток в квартальном отчёте.

А вчера — как назло — весь день они были в одной машине с Евой. Шоппинг, ресторан, где Ева ела мало, но аккуратно, как птица, — и Арсений, даже раздражённый переговорами, ловил себя на том, что смотрит на её руки. Тонкие. Белые. С узкими запястьями, которые он мог обхватить одной ладонью. Он любил контраст: его рука — широкая, жёсткая, с сухими костяшками — и её. Как книга и закладка. Как сейф и ключ.

Если она подхватит от него — что тогда? Грипп на раннем сроке — это не шутка. Это он знал не хуже любого акушера. Температура. Осложнения. Риски. Слово «риск» для Арсения было ключевым — он строил всю свою жизнь вокруг минимизации рисков. И ребёнок — его ребёнок, в который он уже инвестировал эмоционально, финансово, стратегически, — был активом. Активом, который нужно защитить. Любой ценой.

Глава 4.

А сегодня... На самом деле он хотел пригласить на обед Ингу.

Ну какой теперь обед?

Кто такая Инга. Так это дочь одного из его... ну, скажем так, конкурентов. Хотя слово «конкурент» Арсений не любил — оно предполагало равенство, а равных себе он не признавал. Скорее — сосед по рынку. Чья компания занимала нишу, которая могла бы — при правильном подходе, при правильном давлении, при правильной Инге — стать частью его империи. Слияние. Или поглощение. Или что-то среднее — из тех формулировок, которые юристы изобретают для того, чтобы проигравший не чувствовал себя проигравшим.

Вот для этого и нужна была Инга.

Арсений уже около года наводил мосты. Он подходил к ней с той выверенной небрежностью, с какой подходят к диким животным — не напугать, не спровоцировать, дать привыкнуть к запаху. Терпение. Время. Правильная интонация. Правильный костюм. Правильный ресторан.

И — кошмар — как она была похожа на его сестру.

Да-да. У Арсения и Виталия была сестра.

Была. Есть. Где-то — есть. В Нидерландах, замужем, далеко, и это расстояние Арсений считал одним из своих лучших вложений, хотя платил за него не деньгами.

Она была по возрасту строго между ними — между старшим Виталием и младшим Арсением. Наверное, ближе к Сене всё-таки. Год? Полтора? Он не любил считать. Не любил вспоминать. Вспоминать — значит признать, что было. А Арсений давно решил, что не было.

Была история. Была — в прошлом. Та самая история, о которой он нечаянно проболтался Ане в пьяном виде — единственный раз за шесть лет, когда алкоголь взломал его систему безопасности, как хакер — банковский файрвол. Он сказал — и тут же пожалел. Не потому что стыдно, — стыд Арсений ампутировал в себе давно, как больной зуб, — а потому что информация — это оружие. И он только что вложил оружие в руки жены. Бесплатно. По пьяни. Непростительная ошибка.

Потом, конечно, заверил Аню, что она всё не так поняла. Что она сама — озабоченная. С «психбольной фантазией». Его любимый приём: ты не видела то, что видела. Ты не слышала то, что слышала. Ты не помнишь то, что помнишь. Переписать реальность — как переписывают протокол совещания: убрать неудобные пункты, вставить нужные формулировки, подписать и поставить печать.

Как обычно всё.

А Виталий до сих пор чувствовал перед сестрой свою вину.

Ну, он вечно так. Виталий — вечный должник. Вечный виноватый. Человек, у которого совесть работала как трансформаторная подстанция — на полную мощность, двадцать четыре часа в сутки, без аварийного отключения. Его можно было доить на это до бесконечности — и сестра доила. С наслаждением. С мастерством. С тем холодным расчётом, который Арсений в глубине души даже уважал, хотя признать это вслух не смог бы и под наркозом.

Сначала она шантажировала их обоих. И они буквально стали её пажами — два мальчика, которые бегали за ней, выполняя любую прихоть, задабривая, откупаясь, лишь бы она молчала. Лишь бы не рассказала. Лишь бы эти слова — те самые слова, которые Арсений потом вычеркнул из реальности, — не прозвучали вслух, при свидетелях, при людях, чьё мнение имело значение.

Потом, как только старший брат стал хоть что-то зарабатывать — а Виталий начал работать рано, ещё студентом, лаборантом в генетической лаборатории, за копейки, которые он тратил не на себя, — спонсирование сестры стало обязательным пунктом его бюджета. Как аренда. Как проездной. Как налог на вино, который никто не отменял и который он платил исправно, ежемесячно, без задержек и без вопросов.

И даже когда она уехала в Нидерланды и вышла там замуж — за голландца, за нормального, скучного, надёжного голландца с велосипедом и страховкой, — Виталий всё равно ещё долго присылал ей деньги. Сумасшедший. Надо было её давным-давно послать. Арсений ему об этом говорил — не раз, не два, не десять. Говорил прямо: пошли эту наглую сучку. Хватит кормить. Хватит каяться. Она — не жертва. Она никогда не была жертвой.

Да не была она девочкой — даже близко! И вообще ей всё понравилось.

Арсений повторял это себе с убеждённой уверенностью человека, который строит стену из одних и тех же кирпичей: ей понравилось, она сама хотела, она не сопротивлялась. Каждый кирпич — аргумент. Каждый ряд — линия обороны. И за этой стеной — не правда. За этой стеной — он сам. Тот, каким он не хочет себя видеть. Тот, каким он был — тогда. В отрочестве. Когда границы ещё не были выстроены, когда тело диктовало, а голова не успевала, когда сестра — рядом, и рыжеватые волосы, и этот цвет глаз, то ли зелёный, то ли...

Но Виталий — Виталий, видите ли, испытывал чувство вины! Чувство вины — роскошь, которую Арсений себе не позволял. Как дорогое вино: можно попробовать раз в жизни, но жить на нём нельзя — разоришься. А Виталий жил. Годами. Десятилетиями. Нёс эту вину, как монах — обет, и от этого становился всё тише, всё мягче, всё... уязвимее. Идеальная мишень. Для сестры. Для мира. Для всех, кому нужен человек, на которого можно опереться, — потому что он никогда не skinet.

С Арсением фокус со спонсированием прошёл буквально только на первых месяцах получения им зарплаты.

Но потом он посчитал. Буквально — сел, открыл табличку, вбил суммы, вычислил процент от дохода, прикинул перспективу. И решил: плевать он хотел на её откровенности. Да и кто ей вообще поверит? Слово против слова. Два брата — один успешный, другой учёный — против одной девицы с историей шантажа и вымогательства. Да и какое это имеет теперь значение, когда все взрослые люди?

Арсений всегда шёл кратчайшим путём. Он и сам умел шантажировать. Давить. Манипулировать. Находить точку, где человек ломается, и нажимать на неё — методично, без садизма, без удовольствия, просто потому что так эффективнее. Поэтому уж с собой такое он не сильно позволял. Никому. Ни сестре, ни партнёрам, ни жене.

Разве что вот в отрочестве — немного.

"Немного" — слово, за которым прятался целый континент. Но Арсений умел сворачивать континенты до размера почтовой марки и убирать в дальний ящик. Он проделывал это всю жизнь — и ящик был полон, и крышка еле держалась, но держалась. Пока.

Так вот — Инга.

Своей небольшой рыжиной при достаточно светлом общем тоне волос, бровей — она очень напоминала сестру. До мурашек. До того холодка в загривке, который Арсений объяснял чем угодно — сквозняком, кондиционером, недосыпом, — но который был тем, чем был. Узнавание. Тело помнило то, что голова приказала забыть.

И даже этот цвет глаз. То ли зелёный, то ли... Скорее зелёный. С золотистыми крапинками у зрачка — он заметил это на одном из обедов, когда солнце ударило через витраж ресторана и высветило её лицо, как прожектор, — и Арсений на секунду забыл, зачем он здесь. На секунду — не дольше. Потому что секунда — это максимум, который он мог себе позволить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.